

**Алла
НОВИКОВА-
СТРОГАНОВА**

Москва

*Алла Анатольевна
Новикова-
Строганова -
доктор
филологических наук,
профессор,
член Союза
писателей России
(Москва),
историк
литературы*

ТЕПЛО РУССКОГО СЛОВА

(90 лет В.И. Белову)

Часть I

Василий Иванович Белов (1932–2012) – один из лучших наших современных писателей, истинно русский человек с добрым светлым лицом, лучистым взглядом, с распахнутым сердцем, душой болеющий за народ, родную землю. Его неповторимый голос кристально честный, чистый, абсолютно искренний. Уникальная писательская манера Василия Ивановича напоминает затейливое вологодское кружево – знаменитое северорусское даже не рукоделие, а народное искусство – подлинное, редкостное, драгоценное, в котором проявляется не просто мастерство создателя, но ощущается тепло его рук, биение сердца, светится его внутренний мир.

Вологодская земля – родина В.И. Белова. Название его родной деревни Тимониha звучит как диалектно-разговорное, простонародное женское прозвище – то ли на основе фамилии, то ли отчества. По всей видимости, подобными именованьями издавна наделялись женщины в этой местности. В одном из интервью Василий Иванович вспоминал свою землячку Машу Павлониxу: «Все мои приятели уже ушли из жизни. Все люди, которых я любил в детстве. И дружил в детстве. Никого не осталось. Осталась одна Маша Павлониha, как мы её звали. Она ещё жива, она училась со мной вместе в первом классе». Возможно, деревня Тимониha также получила своё имя от реально существовавшей женщины. И всё это живо, тепло, родственно сохранялось в памяти души писателя.

Здесь он родился, здесь же, согласно его желанию, похоронен. Как говорится в народе, каков в колыбельку, таков и в могилку. Никогда не переставал он быть верным взрастившей его родной земле, наделившей дарованием любить и понимать простого человека, служить ему своим самобытным талантом, честным словом большого русского писателя, неразделимого с судьбой своей отчизны.

Подобно великим классикам отечественной литературы, В.И. Белов воспринимал свою творческую, публицистическую, общественную деятельность как служение – Богу, истине, народу. «Писательство для Василия Белова – это

заступничество за народ перед сильными мира сего и против подлых этого мира. Всё, что написано Василием Ивановичем – от “Привычного дела” до “Жанунов” и от детских рассказов до публицистики последнего десятилетия, от первой книжки стихов и до воспоминаний о Шукшине и Гаврилине, с которыми он был очень дружен, – всё в воспитание, остережение и защиту своего народа. Иной службы для себя Василий Белов не знает», – так самую суть творческой деятельности В.И. Белова выразил его друг, замечательный современный писатель Валентин Григорьевич Распутин (1937–2015).

Он также свидетельствовал о неизменных за долгие десятилетия их дружбы бесценных человеческих и писательских качествах В.И. Белова, отмечая его «чистую, почти детскую душу, для которой мир и его обитатели не могли сноситься, как у иных, до ветхости (качество для писателя бесценное), – душу, которую он точно бы и сам стесняется в своём почтенном возрасте, маскирует её в строгость и ворчание и никак не может замаскировать. И неизменную цепкость в наблюдениях над всем происходящим, неиссякаемый интерес к большому и малому вокруг, желание участвовать в событиях, вмешиваться во всё, что происходит не по чести и совести» .

Все эти общие свойства личности и творчества В.И. Белова проявились в его повести «Целуются зори», занимающей особое место в художественном мире писателя. Впервые она была опубликована в журнале «Аврора» в 1973 году.

По жанру это необычное произведение: согласно авторскому определению, «киноповесть». Сделать из набросков текста киносценарий В.И. Белову посоветовал его друг, замечательный русский писатель-самородок, сценарист, режиссёр, актёр Василий Макарович Шукшин (1929–1974). В тексте дана отсылка к этому факту: «Мой друг, причастный к кино, писал из Москвы, что я обязательно должен сделать сценарий. И вот я за три дня и три ночи написал этот сценарий».

Повесть создавалась в расчёте на кинематографическое воплощение и, действительно, была экранизирована в 1978 году режиссёром Сергеем Никоненко. Но вышло так, что текст оказался намного глубже, содержательнее, задушевнее, чем попытка его экранного воплощения. В советский фильм не вошли или были вырезаны цензурой многие эпизоды киноповести. Сокращение и перекраивание обедняло кинокартину, искажало художественный замысел, ослабляло авторскую позицию. Конечно, это не могло удовлетворить В.И. Белова – писателя и сценариста. Он вспоминал о работе над кинолентой: «Можно было бы назвать серьёзной комедию Сергея Никоненко “Целуются зори”. Но там так много было вырезано, целые сцены, финал вырезан. А тот, что в фильме, сделан помимо моей воли.

Снят был прекрасный материал с помощью моего друга, оператора Анатолия Заболоцкого <был также оператором в киношедевре В.М. Шукшина «Калина красная». – А. Н.-С.>. Великолепные сцены были. И материала было очень много. Но когда наступил период монтажа, тут Никоненко сник. А ведь именно в монтажной создаётся фильм. Я уважаю Никоненко, но здесь он оплошал. Много из-за этого в фильме потеряно, нет настоящего финала. Нельзя, конечно сбрасывать со счёта, что в кинематографе была жестокая цензура» .

Об экранизации других своих произведений Василий Иванович также высказывался критически и даже заявил о разочарованности в кинематографическом искусстве: «Я вообще кино не люблю... Я считаю, что кино – искусство синтетическое, а это уже плохо... Я признаю таких деятелей кино, как великий Жан Габен или Шукшин. Когда человек сам делает сценарий, сам актёр и сам постановщик» .

И всё-таки даже в урезанном виде фильм «Целуются зори» получился светлым, лиричным, по-человечески тёплым и очень добрым.

Само по себе писательское слово В.И. Белова – ненадуманное, живое, полнокровное – в колоритном, сочном языке героев, в достоверности их речи до малейшего звука (переданы фонетические процессы «оканья» северных русских диалектов и «аканья» южных говоров), в лирических размышлениях автора предстаёт наиболее ярко, рельефно, даже более зрелищно в сравнении с экранными образами. «Языком можно и кружева плести», – сложилась народная поговорка о красоте, певучести, изобретательности родной речи.

Удивляющее своей необыкновенностью метафорическое название повести «Целуются зори» восходит к местному вологодскому сказанию о белых ночах русского Севера. Эта образность из устно-поэтического народного творчества по красоте и необычности не уступает описанию А.С. Пушкиным (1799–1837) белых «задумчивых ночей» в поэме «Медный всадник» (1833):

И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.

У Пушкина это белые ночи Петербурга – величавого города, который «вознёсся пышно, горделиво». Но здесь нет отдушины, вольного воздуха. Даже у Невы «державное течение», река закована в «береговой её гранит». Соответственно в пушкинских «зорях» северной столицы есть что-то надменное, повелительно-властное («не пуская»), сродни чопорному городу – каменному истукану.

Белые ночи Белова – деревенские, простые, безыскусственные. Это и есть истинная жизнь самой природы в её особенных приметах. Повесть открывает пейзаж, наполненный умиротворением, тишиной, ласковым покоем, прохладой после страдного жаркого дня: «Вечерами облака встают у зари на приколе или исчезают совсем. Громадное солнце, румяное и покруглевшее, едва успеваешь скатиться за лесное кольцо, а в небе, над речкой, уже мерцают две-три зелёные звезды. Тогда в палисадах долго возятся, устраиваются на ночлег хлопотливые птицы».

В многоплановом, многослойном повествовании присутствуют сразу несколько пластов, различных по семантике, тональности, рисунку. Пейзажные зарисовки, которые В.И. Белов воссоздаёт на протяжении всей повести, скрепляют эти разнородные пласты, пёстрые сценки в единое целое. Картины природы всплывают многократно. словно художник любит – не налюбуется красотой родного уголка земли. И чуткий читатель всецело захвачен тем же лирическим чувством. Беловская малая родина – часть общего целого, всей русской земли в её личностной и общенациональной значимости.

Свои этюды писатель рисует с натуры. В палитре художника прозрачные акварельные краски: «Белая ночь расстелила над деревней ласковые, нетревожные сумерки. Розовели, белели, желтели цветы в родимых полях, расходились по речке матовые туманы»; «Всё затихает в деревне, всё засыпает, один костёр ещё дымит у реки. Белый дым тонким, прямым, очень высоким столбом упёрся в зелёное небо».

Беловские пейзажи тончайшие, воздушные, нежные. Светлая летняя ночь Вологодчины «опускает на деревню неуловимо дрожащую кисею сумерек». Кисейные, кружевные, узорчатые белые ночи, словно знаменитое рукоделие из растущего на здешних полях льна, который называют даже «северным шёлком». Наверняка народные мастерицы переняли узоры кружевоплетения из родных картин: лёгких очертаний облаков летом, затейливых морозных росписей на окошках зимой. Отсюда же – и вошедший в песню знаменитый вологодский «резной палисад», искусная кружевная резьба по дереву, украшающая старинные русские дома.

В пейзажах раскрывается лирический смысл необычного названия произведения. Народнопоэтическое сознание уподобило свежее предутреннее дыхание белой ночи чистым, безгрешным поцелуям: «Сумрак, тишина. Но я знаю, что едва успеет погаснуть вечерняя заря, как на севере, чуть правее того места, где она только что потухла, родится дальний, еле уловимый отблеск утра. “Целуются зори”, – говорят в народе про эту странную пору».

«Странная пора» белых ночей предопределила и странные события повести – череду сменяющих друг друга курьёзных происшествий, которые только на первый взгляд могут показаться потешными. На самом деле перед нами тот особый сплав русской жизни, который Н.С. Лесков (1831–1895) в повести «Очарованный странник» (1873) назвал «драмокомедия».

Персонажи Белова тоже странники. Есть в их странничестве и некие «чары», сказочность: ровно три дня и три ночи проводят герои вне родного дома, в чуждом и даже враждебном для них пространстве. Писатель показал скитания людей из деревенской глубинки в областном центре. В городе им было предуготовлено оказаться ненужными, бесприютными, заброшенными, оставленными на произвол судьбы. «Впрочем, – замечает В.И. Белов, – ничего и особенного, из ряда вон выходящего с моими друзьями не произошло».

Такова общая судьба людей из народа, сельских тружеников – кормильцев страны. От них всегда требовали из высоких бюрократических кабинетов только выполнения и перевыполнения планов по производству сельхозпродукции в сфере полеводства и животноводства, ударной, тяжёлой до изнеможения, чуть ли не круглосуточной работы в колхозах и совхозах.

Современный поэт Николай Алексеевич Мельников (1966–2006) в стихотворении с трагическим названием «Поставьте памятник деревне...» (1995) писал о вековой крестьянской доле: «наследство их на белом свете – всё тот же чёрный, рабский труд» – и о долготерпеливом смирении «детей земли» с их участью:

Ломали кости, рвали жилы,
Но ни протестов, ни борьбы,
Одно лишь «Господи, помилуй!»
И вера в праведность судьбы.

Ударной работе, требующей невероятного напряжения сил, не было видно конца и края, особенно в дни страды – подготовки техники, пахоты, сева, сенокоса, жатвы, молотбы, уборки и заготовки урожая. «Да я стахановец вечный, у меня восемнадцать похвальных грамот», – с праведным возмущением заявлял о себе старик-крестьянин в «Калине красной» в ответ на безосновательные издевательские упрёки в недостатке трудолюбия для общего блага социалистической родины.

Так и беловские герои смогли выбраться в город, лишь уловив момент недолгой передышки в нескончаемой череде сельскохозяйственных работ: «Однажды в деревне выдалось праздное – под носом у сенокоса – время. <...> Только что закончился сев, косить же на силос было ещё рано». Вечные труженики-крестьяне не привыкли залёживаться – даже в краткое время (всего три дня) роздыха по всегдашней привычке встают «вместе с солнышком», стараются успеть побольше поработать в домашнем хозяйстве.

Дело происходило, как несколько раз подчёркивает автор повести, «лет двенадцать назад». То есть примерно в начале 1960-х годов. Бригадира колхозной бригады Николая Ивановича, который «закончил сев яровых и льна за десять календарных дней», вызвали на слёт передовиков в областной центр для вручения премии. Это несловохотливый человек – «коренастый молчун», прошедший Великую

Отечественную войну, получивший боевые ранения, которые до сих пор не дают забыть о себе неутихающей болью.

Предстоящей поездке он вовсе не рад: «– В какой город? – ругнулся бригадир. – Я и не собираюсь никуда, сенокос через три дня. <...> – Да ведь завтра уж ехать-то надо, – расстраивался Николай Иванович. – Вот ведь... Как снег на голову». Он не прельщается мыслью о премии. Бывший фронтовик и колхозный передовик привык только воевать за освобождение родины да трудиться на её благо. Командировка даже немного страшит Николая Ивановича: а вдруг ему, молчуну, придётся выступать на слёте – краснбайство, демагогия, словесное переливание из пустого в порожнее совсем не его дело.

За бригадиром увязался в город молодой тракторист Лёшка. Ему хочется купить новую гармонь – неременный атрибут «первого парня на деревне», о котором вздыхают все девчата. Действительно, Лёшка – искусный гармонист на славу. В городском музыкальном магазине он опробовал тульскую гармошку: «Лёшка заиграл старательно и сильно. Игра была красивой, но довольно буйной, Лёшкины пальцы стремительно прошлись от самого низа до самого верха. Гармонь словно только и ждала такого хозяина».

Алексей ещё не служил в армии. Значит, ему нет и восемнадцати, недавно закончил школу. Писатель замечает, что Лёшка лет на тридцать моложе Николая Ивановича. Таким образом, получается, что бригадиру около пятидесяти лет. Несмотря на разницу в возрасте, в состоянии здоровья, в особенностях характеров, все сельские труженики внутренне схожи между собой: «Лёшка, здоровый и говорливый, моложе Николая Ивановича лет на тридцать, но уже сравнялся с ним в чём-то главном».

Стоит заметить, что колхоз неслучайно называется «Передовой». Не только бригадир, многие здесь передовики, ударники социалистического труда.

Третий участник поездки – старик Егор Егорович, или просто Егорович. Он немного сродни деду Щукарю из романа М.А. Шолохова (1905–1984) «Поднятая целина» (1959). Этот достопамятный шолоховский персонаж – шутник и балагур, а по сути своей горемычный человек – нередко попадает в несуразные ситуации. Так и беловские герои по неосмотрительности старого чудака Егоровича угодили в анекдотические, нелепые обстоятельства «драмокомедии». Очутились без поддержки и помощи – «на произволе судьбы», как горестно приговаривает старик.

Частенько повторяет он и другое своё присловье: троекратное «Добро, ладно, хорошо!» – во всех случаях жизни, не только в радостях, но и в бедах. Видимо, за своё долгое нелёгкое житьё-бытьё дедушка привык постоянно терпеть, смиряться, воспринимать всё как должное.

Цель его поездки в город – продать кадушку солёных рыжиков и на вырученные деньги вставить зубы. Сейчас, при нынешних расценках на стоматологические услуги, недоступные многим даже в государственных клиниках, не говоря уже о частных, этот наивный план кажется совсем несбыточным. Егорович также хотел встретиться со своим зятем, знакомом старику только по переписке: «зять Станислав. На хорошей должности, квартиру отдельную дали. В гости в каждом письме зовёт». Но при курьёзном стечении обстоятельств Егорович потерял адрес родственника, у которого обещал разместить своих друзей на ночлег: «Места всем троим хватит, квартера большая». Старик помнил квартиру 50, дом 77 – «два топорика», но вот чуждое русскому слуху название улицы «Лассаля» никак не припоминалось.

Деревенскому деду представляется, что именно в городе, в гостях у зятя он получит наконец-то долгожданное признание, заслуженное уважение, соответствующий его преклонному возрасту почёт. В ночь перед отъездом старик от волнения не может

сомкнуть глаз: «Егорович, ворочаясь на деревянной кровати, не спал совсем, но как наяву видел зятя Станислава, высокого, уважительного. Зятя он знал только по переписке, но явственно представлял его: высокого, уважительного. И обязательно в шляпе. <...> Потом они идут с зятем по городу, идут вставлять Егоровичу зубы, и все люди, даже большие начальники, с почтением смотрят на них».

Повтором определения «уважительный» подчёркнута мечта старика о «почтении». По всей видимости, потешный старый фантазёр свято верит в стереотипы, насаждённые советской идеологией, внедрённые в сознание народа с помощью жанра так называемой массовой советской песни. «Широка страна моя родная...» (1935) на стихи В.И. Лебедева-Кумача (1898–1949) – одна из таких песен, наиболее знаменитых в СССР. Прочно вошла в речь, стала крылатой фразой строка из этой песни: «Молодым – везде у нас дорога, старикам – везде у нас почёт». Глубоко внутри Егорович жаждет этого не получаемого в реальной жизни, но твёрдо обещанного государством почёта, песнь о котором ежедневно лилась из радиоприёмников по всей стране.

Подобное предвкушение накануне поездки и у бригадира: Николаю Ивановичу «тоже снилось что-то непонятно волнующее, невиданное». Ну а Лёшке «снился весёлый город». Деревенскому пареньку хочется ярких впечатлений, развлечений, он наивно мечтает приобщиться к «шикарной» городской жизни. Ему снилось, как «он, Лёшка, сидит в ресторане и курит толстую папиросину».

По всей видимости, беловские герои выбирались в областной центр крайне редко, а то и вовсе там не бывали. Их деревня от города на порядочном отдалении: нужно добираться на попутной машине либо долго идти пешком через поля и леса до пристани, затем – почти сутки на речном пароходе.

Прикованные к земле работой безотдышной (это словцо из знаменитого шедевра Лескова о труженике-праведнике «Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе» – 1881), практически без полноценного сна и отдыха, крестьяне порой за всю жизнь не могли никуда вырваться из своего колхоза. С первых десятилетий советской власти и до середины XX века они и вовсе не имели ни паспортов, ни наличных денег. Зарплата не начислялась, подсчёты велись в трудоднях – так называемых «палочках» в учётной конторской книге (один трудовой день обозначался одной «палочкой», графическим знаком вертикальной черты «|»), на которые затем скудно выдавались в натуральном виде какие-нибудь продукты или товары первой необходимости. Крестьяне фактически оставались на положении крепостных. Были таким же «продуктом природы», как и производимая ими продукция. В лесковском рассказе «Продукт природы» (1893) освещалась схожая тема.

Переживший эти тягостные времена В.И. Белов свидетельствовал: «И сколько ребят талантливейших было на Руси, так и пропавших в нужде, в безнадёжности, в полуобразованности. Намертво закрыты дороги были, у нас даже паспортов не было, куда денешься? Пробивались, конечно, кто как мог. Тот же Шукшин, или Астафьев тоже, может, и злость излишняя у него накопилась из-за этих лишений, Рубцов Коля, Валерий Гаврилин... Всё-таки положение крестьян было в моё время почти что крепостное. И все это понимали. Помню, мне Твардовский Александр Трифонович при первой встрече так и сказал в ответ на мои радикальные требования дать всем крестьянам паспорта: “Разбегутся же все...”. Вот сейчас и разбежались» .

Массовый отток населения из деревень и сёл был вызван тяжёлым бременем жизни, бедственным положением крестьян. Сам В.И. Белов вспоминал: «Я помню, писал стихи, как убегал из колхоза:

Нет, я не падал на колени

И не сгибался я в дугу,
Но я ушёл из той деревни,
Что на зелёном берегу.

<...>

Мостил я летом и зимою
Лесную гибельную гать...
Они рванулись вслед за мною,
Но не могли уже догнать».

Для всех троих героев повести «Целуются зори» предстоящая поездка в город – это целое событие, праздник, к которому нужно особым образом подготовиться. Писатель подробно обрисовал, как каждый из друзей позаботился приодеться в дорогу: «Три друга стояли в кузове над кабиной. Праздничные, глядели вперёд. Все трое принарядились, стали серьёзнее: Николай Иванович в двубортном костюме с галстуком, но в сапогах и в кепке. Лёшка тоже в костюме, но в соломенной шляпе и в ботинках. На Егоровиче был всегдашний картуз, сапоги, брюки хэбэ, а также шерстяной, из другого комплекта, пиджак и тёмно-синяя, в крупную белую полосу рубаха». Все эти несовместимые детали одежды, текстуально подчёркнутые противительным союзом «но»: «с галстуком, но в сапогах и в кепке», – нелепые и неуместные с точки зрения стиля и моды, сразу выдают в колхозниках их социальное происхождение, род занятий, образ жизни – весь тот налёт, который городские обычно обозначают презрительным словом «деревенщина». В то же время в глазах приезжих городская уличная мода выглядит чем-то невиданно-несуразным, чуждым: «Асфальт отмякал и был весь истыкан дамскими каблуками. Приезжие дивились на высоченные женские причёски: тогда ещё были в моде узлы, набитые вместо волос капроновыми чулками. Лёшка вздыхал и оглядывался при виде модниц, щеголяющих в мини-юбках...»

В городе на каждом шагу героев воспринимают как каких-то второсортных, придурковатых, по меньшей мере – странных людей. С подобным снисходительным или даже презрительным высокомерием относятся не только городские к деревенским, но и столичные жители к провинциалам. Хотя в той же песне на стихи Лебедева-Кумача утверждалось равное достоинство советского человека повсеместно:

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит, как хозяин
Необъятной Родины своей.

В триаде своих героев, характеры которых отличает оригинальность и необыкновенная цельность, В.И. Белов сплотил три поколения советских людей. Молодой допризывник Лёшка, пожилой ветеран Великой Отечественной войны Николай Иванович и совсем уж старый Егорович, помнящий свою службу ещё в царской армии, – верные друзья, а не просто земляки-односельчане. После перипетий на пароходе по прибытии в город они твёрдо решают: «Кучей надо было держаться. Хоть сейчас-то давайте кучей держаться, не оставлять друг дружку». В городских злоключениях они всячески стараются поддерживать друг друга, пытаются прийти на выручку попавшему по ошибке в милицию Лёшке: «Олёшку-то... Нам бы Олёшку-то выручить». Неслучайно он называет себя и своих друзей «три мушкетёра».

Автор-повествователь также несколько раз именуется этих героев повести мушкетёрами. В уподоблении прославленным персонажам из романа Александра Дюма-отца (1802–1870) содержится скрытая отсылка к девизу благородных, отважных, верных друг другу французских мушкетёров: «Один за всех и все за одного». Однако,

в отличие от бравых героев Дюма, у беловских крестьян из российской глубинки толком ничего не выходит. Город разъединяет друзей, на время они теряют друг друга. Поездка с самого начала не ладится.

Исконно русское, ёмкое слово-понятие «лад» в творчестве В.И. Белова наполнено особым смыслом, связано с началом святым, сакральным: «пока наш народ не обретёт Бога в душе своей, до тех пор не вернётся и наш русский лад», – утверждал писатель .

Стремление к русскому ладу, благообразию жизни, к извечным духовно-нравственным ценностям – вот магистральное направление развития человека и общества, к которому тяготел В.И. Белов.

Примечания

Молюсь за Россию! (Беседа Владимира Бондаренко с Василием Беловым) // Наш современник. – 2002. – № 10.

Распутин В.Г. Служба Василия Белова (К 70-летию В.И. Белова) // Наш современник. – 2002. – № 10.

Там же.

Белов В.И. Василий Белов: «Я вообще кино не люблю»: писатель о кинематографе, о Шукшине, о своём первом и последнем сценическом опыте / беседовала Т. Канунова // Русский Север. Пятница. – Вологда, 1997. – 11 июля. – С. 4.

Канунова Т. Талант человечности: проза Василия Белова в кино // Русский Север. Пятница. – Вологда, 2007. – 22 августа. – С. 11.

Молюсь за Россию! (Беседа Владимира Бондаренко с Василием Беловым) // Наш современник. – 2002. – № 10.

Часть II

Приметы дорогого писателю русского лада ещё несколько десятилетий назад можно было встретить в российской глубинке, в деревне. Пока она не была почти полностью уничтожена в постперестроечное время. С пронзительной душевной болью выразил этот процесс Николай Мельников в знаменитом своём стихотворении:

Поставьте памятник деревне
На Красной площади в Москве,
Там будут старые деревья,
Там будут яблоки в траве.

И покосившаяся хата
С крыльцом, рассыпавшимся в прах,
И мать убитого солдата
С позорной пенсией в руках.
<...>

Поставьте памятник деревне,
Чтоб показать хотя бы раз
То, как покорно, как безгневно
Деревня ждёт свой смертный час.

В.И. Белов подтверждал: «Деревни сегодня нет совсем. Она погибла. Сначала под

ударами сталинской коллективизации, потом под ударами войны, далее последовали хрущёвские удары, ликвидация малых деревень и тому подобное. И всё это на моей памяти. Весь двадцатый век непрерывные удары по русской деревне и русскому крестьянству. Перестройка добила окончательно» .

Вот почему в своей повести с чудным названием «Целуются зори» писатель с особой любовью отмечал даже малейшие признаки дивного русского лада, который ещё теплился, сохранялся в деревне. Здесь человеку всё просто, понятно, всё любодорого: «И так хорошо дома, на своей земле, понятной и близкой любовью своей травинкой!» Белыми ночами в засыпающей после трудового дня округе вместе с крестьянами отдыхают их всегдашние помощники и кормильцы – домашние животные: «Лошади ржали в ночи, тоже понятно и ласково. Ласточка завозится в тёплом гнезде над окном, почикает что-то сквозь сон. Либо вздохнёт во дворе корова, и снова всё тихо».

Днём радуется сердце и глаз «весёлый, горюшками, берёзовый лес», где «трава вдоль тропы была молода и первозданно свежа, берёзы вскидывались ветвями в одну сторону». Ласкают слух трели певчих птиц, голос предсказательницы-кукушки. «Пригорок сменялся пригорком, тропа стелилась теперь по высокому, обросшему сосняком берегу. Наконец открылась река, со спокойным синим плёсом внизу». Здесь источник душевного равновесия, духовных и физических сил народа. Всегдашнее присловье старика Егоровича: «Добро, ладно, хорошо», троекратное утверждение желанного лада, чуть ли не по-детски простого и мудрого, – также из этого источника.

В небольших зарисовках, рассыпанных в тексте, с разных сторон показана подлинная безыскусственная жизнь, в которой нет места фальши, притворству, лицемерию. Здесь нельзя укрыться за фарисейскими личинами и масками, в деревне всё и все на виду. Здесь нет двойных стандартов. Идеал от века единый – жизнь по-Божьи, по правде, по совести.

Такова в повести В.И. Белова четвёртая участница поездки – крёстная Лёшки Настасья. У неё своя цель:

«– А ты, крёсная, пошто в город-то? – спросил Лёшка Настасью.

– Да в церкву.

– Молиться, что ли?

– На Казанскую. Да и Степанушка помяну».

Христианское празднование в честь Казанской иконы Божией Матери происходит дважды в году – летом и осенью. Летом почитание чудотворной иконы совершается 21 июля. Так, указанием на православный праздник устанавливается не только точная хронология в протекании художественного времени в повести, но и формируется её христианский подтекст.

Отблеск русского лада светится в образе богомольной Настасьи. Она отправляется в дальний путь на молитву за упокой души погибшего на войне мужа Степана. Все долгие горькие годы вдовства и одиночества Настасья бережёт в душе память о муже: «Одна и живу. Уж двадцать пять годов одна, как войну-то открыли, так его на второй день и вызвали. Одно письмо послал с первых-то позиций. В самый огонь и попал, да кряду, видать, и убили. Степаном звали.

Соседка сочувственно кивала, а Настасья рассказывала:

– Деток-то мы не успели накопить, ведь только две недельки и пожили – какие, милая, детки?» – делится она наболевшим со случайной попутчицей на пароходе.

В простой крестьянке – воплощение любви, верности, преданности, словно отсвет Божественного света Пресвятой Богородицы, которой едет поклониться Настасья. Всех она жалеет, всем хочет помочь. Неизменно проявляется в ней

любящее, сердобольное, материнское начало. Так, например, с сердечным участием расспрашивает она солдата, сошедшего с парохода:

«– Что, батюшко, какво вас кормят-то?»

Сержант буркнул что-то в ответ.

– Добро? – обрадовалась Настасья. – Ну и слава Богу. Матку-то, батюшко, не забывай, письма-то пиши».

Настасья делает всё неспешно, неторопливо, основательно. И с Божьей помощью у неё всё получается, всё ладится. Несмотря на то, что крестник Лёшка и старик Егорович отговаривали Николая Ивановича брать Настасью в город: «На что нам эта крёсная? Поедем втроём!»; «Не надо нам Настасью с собой, – решил Егорович. – Баба, она баба и есть. Сколько разов с бабами ездывал, всё время что-нибудь да стрясётся»; «в дороге с бабами тоже одна морока».

Обманув крёстную накануне поездки, Лёшка думал, что «отвертелся» от Настасьи. Мужики не взяли её в попутную машину: «Намаялись бы с ней, – сказал Лёшка, как бы оправдываясь перед молчавшим Николаем Ивановичем. – Пусть дома сидит. В религию, вишь, её потянуло».

Но женщина не отступает от своего плана: «обманутая ни за что ни про что Настасья долго охала и расстраивалась. Потом она взяла себя в руки и, перекрестившись, деловито пошла на пристань пешком». Так, осенив себя крестным знамением, благополучно, заблаговременно оказалась она на пристани, «уселась на брёвнах. Закусила чего-то, не спеша перевязала белый, в голубую горошину, бумажный платочек. Долго сидела так, глядя на реку». В то время как грузовик «мушкетёров» забуксовал в непролазной грязи, и они еле-еле успели на пароход. А добросердечная Настасья «сначала охала и жалела опаздывающих мужиков». Она ничуть не сердится на них за обман, напротив – сама просит прощения: «Ты уж не сердись, что вас-то не дождалась...»

«Так началась знаменитая поездка трёх моих друзей. Вернее – четырёх, хотя мужики и не брали в расчёт Настасью», – замечает автор, подчёркивая, что и она полноправная героиня повести, и также входит в число его друзей.

Герои, крепкие своей мужской дружбой и солидарностью, по-фанфаронски считали, что «с бабами одна морока», что «намаялись» бы с Настасьей, но вышло наоборот: именно без неё пришлось намаяться в городе «трём мушкетёрам». Ведь обстоятельная Настасья с самого начала предлагала им ночевать у хорошей знакомой: «У Акимовны и остановлюсь. Она мне всё рассортировала, куда идти, что за чем на дороге будет. <...> А то, думаю, дом у её свой, места бы для всех хватило». Героиня заранее знает, что в городе у неё будет уютный ночлег, с чаем, пирогами, деревенскими гостинцами. Но суматошные мужики-«мушкетёры» снова спешат от неё отделаться.

Кроткая Настасья, предпринявшая долгий путь ради благой цели, живёт с миром в душе и в ладу с миром – тихо, размеренно, как уготовано Богом: «Днями в полях млеют на солнце многоцветные травы. Повсюду нестихающий звон кующих кузнечиков, волнистое марево струится на горизонте, и белые, будто сдобные, облака выплывают из-за края земли. Они плывут широко и ровно, никуда не торопятся, в бездонном небе весь день плавится солнечный слиток».

Мудрая неторопливость гармоничной жизни природы контрастирует с бестолковой суетой, спешкой, сутолокой, огорошившей путешественников, едва они ступили на городскую пристань: «У пристани была шумная утренняя суматоха. <...> Кричали матросы, кидая чалки. Гудели легковушки. Пассажирская гуща хлынула с парохода». Если в деревне все знакомы друг с другом, каждый известен, по-своему

ценен, у всех на виду, то здесь человек нивелируется, вместо людей, неповторимых личностей – многоликая масса, «гуща».

Живительная деревенская тишина сменяется нездоровым для слуха непрерывным городским гамом. Бесперывный шум нарушает внутренний покой, болезненно раздражает нервы. Фраза «Город шумел» настойчиво повторяется в тексте много раз, неблагозвучным звуковым фоном подчёркивая мытарства главных героев повести: «Город шумел вокруг, везде спешили прохожие»; «Город шумел. Егорович не знал, куда податься»; «Город всё так же шумел под июньским зноем». Надо заметить, что в последнем из предложений допущена временная несогласованность: действие происходит «на Казанскую», то есть в июле.

Если дома, у родного очага, ещё сохранялся лад, то в незнакомом городе пошёл полный разлад.

Бездушным чиновничьим формализмом веет от плаката, на котором устроители слёта не потрудились полностью, без казённых буквенных сокращений написать приветствие сельским труженикам: «Над выходом трепало ветром длинный плакат с надписью: “Торячий привет участникам слёта передовиков с/х-ва!”». Эта многозначительная деталь всплывает в тексте повести дважды: в точности такое же полотнище натянуто поперёк скверика, где присели обескураженные герои, лишившись адреса Егорычева зятя, где планировали устроиться на ночлег. Никакого «горячего привет» от организаторов участник слёта Николай Иванович и его друзья не получили. Их даже никто не встретил, не позаботился о размещении, питании. Передовиков вызвали из районов на совещание в областной центр и буквально бросили на произвол судьбы.

Здесь они совершенно чужие, никому не нужные. Горожане даже самых обычных профессий из сферы обслуживания – вполне возможно, что и сами недавние выходцы из деревни: приёмщица в камере хранения на вокзале, работница справочного бюро, продавщица в музыкальном магазине, швейцар и официантка в ресторане, администратор в гостинице – относятся к колхозникам безучастно, с полным отчуждением: «Продавщица отсутствующими глазами глядела куда-то поверх голов»; официантка «так же, как продавщица, глядела куда-то поверх голов».

И от этого всеобщего безразличия, дистанцирования беловские герои сникают, как-то съёживаются. Молодой Лёшка ещё пытается хорохориться, но «Егорович, как и Николай Иванович, сразу стал непохож на того, каким был обычно в деревне». Старик совсем приуныл от свалившихся на них неурядиц, растерялся в путанице неблагоприятных обстоятельств. «Путаники, они всё на свете запутали!» – сетует Егорович. Советская пропаганда внушала крестьянам: «Всё вокруг колхозное – всё вокруг моё». Но в городе оказалось всё казённое, чуждое, постороннее.

От красоты целующихся зорь, благообразия жизни на природе здесь нет и следа. Напротив, представляется, будто невинные, неиспорченные люди попали в Содом и Гоморру – место разврата, пьяных драк, преступлений.

Впечатление неблагоприятия усиливается дикой сценой в музыкальном магазине: скандал и ругань вспыхнули на пустом месте, когда Лёшка самозабвенно заиграл на гармонии, пробуя инструмент. «Игра была красивой», но окружающие ни за что ни про что стали называть парня «сумасшедшим», «хулиганом», требовали вызвать «заведывающего». Деревенским друзьям пришлось спасаться бегством: «Путешественники, стремясь от греха подальше, быстро выпростались на улицу, завернули за угол и отдышались в каком-то скверике».

Обстановка в ресторане, где герои по причине деревенского любопытства, но не без колебаний решились пообедать: «Хоть поглядим», – поначалу поразила колхозников

невиданной ими «роскошью»: ковровая лестница, зеркальная стена, громадный зал; неслыханными ранее блюдами в меню: «ромштекс», «цыплята табака». Даже Лёшка, которому поход в ресторан снился перед поездкой, «слегка опешил»; «Егорович был ошеломлен окружающим блеском». Бригадир Николай Иванович силился держаться степенно, но тоже чувствовал себя неуютно, не в своей тарелке, предлагал друзьям поскорее уйти. Обед не задался: «Цыплята таба... – читал Лёшка. – Табака... два двадцать восемь, ничего себе! Надо бы попробовать.

– Нет, мне дак лучше без табаку, – очнулся Егорович. – Суп-то есть?

Супу никакого не оказалось. Толком поесть не удалось, но пришлось выложить по счёту почти все взятые в поездку деньги.

Здесь не только обманутые ожидания незадачливых путешественников. Они обмануты в прямом смысле, причём несколько раз: прожжённой официанткой, подвыпившими завсегдатаями этого злачного места. Словечками из блатного жаргона, географическими названиями районов крайнего Севера, куда съезжались в те годы охотники «за длинным рублём», пестрит лексикон самого нахального и задиристого субъекта, что косвенно указывает на его уголовное прошлое: «я тебе, Стас, я не какой-нибудь фраер, так? <...> – Пахан? Держи! Ты вот старый уже, так? А я с тридцать пятого, так? В Салехарде был, да? А в Норильске? А я был, гад буду!

– Добро, ладно... – Ни в Салехарде, ни в Норильске Егорович не бывал. – У меня тоже это... Зять, значит...»

Обескураженный дедушка не может распознать в этом ресторанном прожигателе жизни, наглеце и трепаче, своего «высокого, уважительного» зятя Станислава, которого заочно окружил неким ореолом. Егорович простодушно мечтал, как он «заходит в новую квартиру, как зять Станислав усаживает его на диван и степенно отцом называет его». В воображении старика зять всегда представлялся добропорядочным, приличным человеком «на хорошей должности», «обязательно в шляпе» (непременный атрибут важного должностного лица), благодаря которому и он, Егорович, получит долгожданный почёт и уважение.

Однако никакой «уважительности» к простым сельским труженикам никто не проявляет. За коврами и зеркалами глазам скромным простакам открывается ужаснувший их грубый, пошлый балаган. Все как в угаре, всё, как в чаду. Дымят сигареты; гудят «от первоначального возбуждения голоса посетителей», одурманенных парами алкоголя. В унисон всеобщей мешанине с эстрады грянула песня: «Вьюга смешала землю с небом». Парочки пошли «выделывать твист» – новомодный в 1960-е годы заокеанский танец, название которого в точности отражает особенности танцевальных па: *twist* в переводе с английского – скручивание, искажение, искривление.

Подобно этим телодвижениям, размеренная деревенская жизнь героев в городе стала искривлённой, хаотичной, сбивчивой. Лёшка из-за пьяного драчуна Стаса по ошибке угодил в милицию и провёл свою первую городскую ночь в вытрезвителе. Мужики, оставшиеся без своего молодого товарища, как и в эпизоде с музыкальным магазином, рады унести ноги «из шумного, прокуренного ресторана»: «Хоть нас-то отпустили. Могли бы и нас...»

Они ещё больше смутились, сконфузились, словно почувствовали себя без вины виноватыми. В чуждом, враждебном человеку социуме даже ни в чём не повинные ощущают себя абсолютно беззащитными, понимают, что могут оказаться наказанными неизвестно за что – согласно циничной расхожей поговорке «правоохранителей», бытующей до сих пор: «Был бы человек, а дело найдётся». Вот почему, надумав выручать Лёшку, Егорович отвергает предложение бригадира

идти в милицию: «Да ведь это... – Егорович горячился: – Ведь им только покажись, оне и нас к рукам приберут. Нет, Николай Иванович, нам туда нельзя показываться! Оне и нас-то, наверно, давно ищут. Кабы зять Станислав... Нет, надо к защитнику. Защитнику скажем: так и так, мы невиноватые, дело такое вышло. <...> Скажем: так и так, помогите Олёшку найти, мы не виноваты. Ни в чём».

Двое друзей в ту ночь остались вовсе без крыши над головой. Писатель называет их уже не «мушкетёрами», а «пилигримами», то есть духовными странниками. И таким образом курьёзное, с комическими элементами повествование переводится в иную нравственно-ценностную сферу, обретает сакральную глубину.

В гостиницу пилигримов не пустили: «Мест у нас нет и не предвидится, – сказала администраторша». Не дали приюта крестьянам даже в Доме колхозника, несмотря на командировочное удостоверение бригадира, на жалостные увещания обходительного Егоровича: «– Дак ведь это... хозяйюшка, на произволе судьбы, можно сказать... – Егорович даже снял фуражку. <...> – Да ведь... Может, в коридор куда? Мы бы до утра только». Парадокс в том, что Дом колхозника – в нарушение своего прямого назначения – предоставляет места кому угодно: «на соревнование из Костромы приехала группа», «шестые сутки ансамбль лилипутов», «артисты с Кавказу не выписались», – но только не приедем сельчанам.

Пытаясь преодолеть безысходную ситуацию через призму своего не замутнённого городскими установками на всеобщее отчуждение мировосприятия, чистого, младенчески наивного (в соответствии с заповедью Христа: «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» – Мф. 18: 3), герои по простому деревенскому обычаю решаются попроситься на ночлег к кому-нибудь из горожан, согласно пословице «Мир не без добрых людей»: «Вот ведь... А что, Николай Иванович, везде свои люди-то. Ежели у кого ночевать попроситься? Ведь, к примеру, окажись кто у нас в деревне, разве бы не пустили мы ночевать? У меня вон этот... студент четыре ночи ночевал, который иконы-то искал. Опять же люди мы не какие-нибудь, в бане мылись недавно... не воры никакие». Их святая простота, искренность, непосредственность никого не убеждает, их проблема никого не трогает. И снова – отгороженное безучастие, недружелюбие, неприязнь. Двери одна за другой захлопываются прямо перед носом странников:

«– Гражданочка, – начал Егорович. – Мы это... Можно сказать, на произволе судьбы... Ночевать не пустите? До утра только.

– Совсем обнаглели! – Женщина быстро захлопнула дверь.

– Добро, ладно, хорошо».

Народный лад исконно предполагал традицию русского гостеприимства, вошедшего во множество пословиц: «Гость доволен – хозяин рад»; «Гость не кость, за дверь не выкинешь»; «Рад не рад, а говори: милости просим!»; «Добрый гость всегда в пору»; «Для дорогого гостя и ворота настезь»; «Гостю – почёт, хозяину – честь» и др.

На Руси сохранялся святой христианский обычай принимать путников, давать им пристанище. Господь в Евангелии нарекает праведниками тех, кто исполняет Его заветы о помощи странникам: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня <...> Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? Или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? <...> И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25: 34–40). Эти заповеди легли в основу

лесковского рассказа «Христос в гостях у мужика» (1880).

Но героев В.И. Белова в городе окружает среда прямо-таки безбожная. Искусственно выстроены социально-культурные, материальные, коммуникативные и иные барьеры, разъединяющие людей, подорвано их доверие друг к другу. Хотя официальная идеология, внедряемая через особый жанр массовой советской песни, утверждала обратное:

Наше слово гордое «товарищ»
Нам дороже всех красивых слов.
С этим словом мы повсюду дома,
Нет для нас ни чёрных, ни цветных,
Это слово каждому знакомо,
С ним везде находим мы родных.

Этот миф развеивает горестная бесприютность беловских путников. Им буквально негде приклонить голову, как говорит в Евангелии Христос: «лисицы имеют норы и птицы небесные – гнёзда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8: 20). Бездомным странникам приходится ночевать прямо на городском асфальте: «Утренняя заря уже народилась где-то за спящими домами, когда вечерняя еле успела угаснуть. Это была первая мушкетёрская ночь. Егорович и Николай Иванович устроились ночевать за какими-то воротами, у поленницы. Они лежали, подложив под себя фанеру и дощечки. С тротуара их было совсем не видно». Чудных целующихся зорь здесь тоже не видно, они скрываются за высокими зданиями: «Город затихал, одно за другим гасли зелёные и розовые окна в больших стандартных домах. Заря догорала за теми домами».

На время измученные путники забылись неглубоким, зыбким сном. Приснившаяся родная деревня – воплощение привычного крестьянского лада, защитительной силы родимого дома – принесла душе отраду, краткое отдохновение от городской маелты: Николай Иванович «слышал во сне звуки ночной деревни. Стояли у речки тихие бани, берёзы, и дергач крикал за омутом. Красный ребячий костёр горел за легким речным туманом. Желтели в лугах купальницы. Зеленели тихие палисады с выстиранным бельём на изгородях. Стояли спокойные, до последнего сучка знакомые срубы домов. А там, дальше, за родным окоёмом, целовались румяные зори».

Но пробуждение было неладным, безотрадным. Под утро «шаркала об асфальт метла дворничихи. Пыль и окурки летели в сторону под ворота». Вот и весь «почёт», уготованный передовику сельскохозяйственного производства и старику, отдавшему все силы вековечному труду.

Единственная «почесть», выпавшая на их долю, – завядшие букеты цветов, которыми со смехом закидали подзаборных ночлежников гулявшие до утра выпускники школы: «Дедушка, ловите! – крикнула бойкая девчужка в белом платье. Она бросила в Егоровича букетом увядших к утру цветов. Егорович машинально поднял букет. И вдруг букеты полетели, посыпались на путешественников. Молодёжь, смеясь и брэнча гитарой, исчезла, а мужики стояли в ворохе роскошных когда-то цветов.

– Ишь ты! – ворчал Егорович. – Какая нам почесть-то вышла!»

Старик этой «почести» не радуется, а ворчит. Такие грустные, увядающие цветы обычно бывают на могилах, навевают мысль о кладбище, о конце земной жизни. Знаменательно, что все в городе знают дорогу на кладбище (к смерти), а путь к церкви (к жизни в Боге) точно не может указать никто – в эпизоде, когда Николай Иванович задумал разыскать Настасью. В безбожной, атеистической среде на его смущённый

вопрос: «Церква где, скажем?» – прохожие либо пожимают плечами, либо смеются, либо посматривают с недоумением и подозрением.

Что касается четырёх деревенских путешественников, то, вне всякого сомнения, это православные русские люди. Даже Лёшка, самый молодой из них, – крещёный христианин (хотя бы номинативно), не говоря уже о старших участниках странствия.

«Вера – это серьезное дело... И её никакими знаниями не обретёшь. Может, даже наоборот. О ней и говорить много нельзя. Но только придя к ней, начинаешь многого стыдиться в своём прошлом» , – утверждал В.И. Белов в беседе «Молюсь за Россию!»

В последние дни поездки события вокруг беловских героев завертели и завихрились ещё более причудливо. Непривычный для них темп жизни, коловращение городской сумятицы затянули путников в свою круговерть. Сбился с дороги Николай Иванович, так и не попавший на слёт. Егорович с перепугу начал метаться и заблудился в каменных лабиринтах незнакомых улиц. Попеременно каждый из «трёх мушкетёров» попадал в особо замкнутые пространства, западни и ловушки: в здание под вывеской «Дантист А. Б. Фокельман», в дровяной сарайчик Акимовны, который запирался только снаружи.

По милостивой Божьей воле друзья снова благополучно соединяются на пароходе, плывущем обратно. Никто из них не достиг своей цели. Даже Настасья сетует на формализм официальной церковной службы. Да делать нечего – по всей видимости, в их округе вообще нет ни одной церкви. Итог поездки подводит бригадир: «Нет, я дак больше не ездок, – сказал Николай Иванович. – Ни до сенокосу, ни после сенокосу. Я и эти три ночи по гроб доски помнить буду».

Писатель рассказал простую и мудрую, печальную и забавную, поучительную и трогательную историю. Даже не рассказал, а записал, как подчёркивает автор-повествователь, со слов своих друзей-земляков – людей с просторными сердцами, с душой нараспашку, щедро наделённых и трудолюбием, и терпением, и доброжелательством. Они и стали главными героями повести. Литературные персонажи получились такими полнокровными, цельными, что вполне узнаваемы в реальной действительности.

Глубина постижения жизни, характеров людей, судьбы русского народа в целом в творчестве В.И. Белова исходит из его личного опыта, собственной души, совпадает с Божьей и народной правдой.

В многосторонней проблематике повести «Целуются зори» основное даже не проблема взаимоотношений городских и сельских жителей и не оппозиция «город – деревня», как утверждают в один голос интерпретаторы произведения. Главное – это оппозиции истины и лжи, святой простоты и лукавого мудрствования, доверия и подозрительности, отзывчивости и безучастия, гармонии и дисгармонии, лада и разлада. На этих полюсах выстраивается система духовно-нравственных ценностей художественного мира В.И. Белова. «Благодушно и мудро с первых же своих работ Василий Белов как бы уравнивал жизнь: сколько в ней трудностей, горя, отчаяния, столько и радостей, счастья, надежды» , – справедливо отмечал В.Г. Распутин.

Даже в антагонистических обстоятельствах, когда угасает последняя надежда, является евангельская «сверх надежды надежда» (ср. Рим. 4: 18) на истинное возрождение России. Об этом – знаменательный диалог Василия Белова с Владимиром Бондаренко: «Белов: <...> я утверждаю, что тысячи деревень исчезли с лица земли. Я об этом писал и в прозе своей, не только в публицистике. Есть такой рассказ, как я ночую в деревне. И спрашиваю старенькую хозяйку: куда исчезла деревня? <...> через трубу и в синее небо ушла...

Бондаренко: И что, больше никогда не возродится? Ты сам по складу своему, по

чувствам своим пессимист или оптимист?

Белов: Скорее всего, я пессимист. Но, если ты, Володя, спрашиваешь, возродится ли деревня, в этом плане я даже оптимист. Верю в возрождение Родины своей. Не только в возрождение деревни своей и земли вологодской, отеческого гнезда, но в возрождение всего нашего государства. Куда от этого денешься? А вот когда оно будет? <...> Не знаю. Но есть же ещё живые силы. Есть живые люди. Даже молодёжь есть, которая не даст доконать себя совсем. Мы ещё поживём» .

Подтверждение этих святых упований писателя – в лирической стихии его художественных произведений о родине и русском народе. Образ целующихся зорь предстаёт как отблеск вселенской Божьей любви, отмечающий уже нездешний, вземной горизонт бытия, знак жизни вечной.

Примечания

Молюсь за Россию! (Беседа Владимира Бондаренко с Василием Беловым) // Наш современник. – 2002. – № 10.

Там же.

Распутин В.Г. Служба Василия Белова (К 70-летию В.И. Белова) // Наш современник. – 2002. – № 10.

Молюсь за Россию! (Беседа Владимира Бондаренко с Василием Беловым) // Наш современник. – 2002. – № 10.